

АЛЕКСАНДР СОРОКОВ

Простые рассказы

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ

Александр Сороковик

Простые рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17688023
ISBN 9785447443962

Аннотация

Перед вами книга, озаглавленная «Простые рассказы». Это истории о людях, которых вы встречаете в повседневной жизни. Они могут быть соседями по дому, родственниками, сослуживцами. Они живут рядом с вами, у них те же заботы, что и у вас. В книге нет доблестных сыщиков, орков и эльфов, зубодробительных приключений. Зато есть обычные люди: рабочие, менеджеры, студенты, подростки, бомжи, алкоголики, ну и кошки с собаками. Эти истории могли произойти с каждым из нас или быть услышанными от знакомых.

Содержание

Предисловие	5
И жили они долго и счастливо...	8
Букет сирени	16
Полнолуние	19
Родительский день	23
Рыжая кошка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Простые рассказы Истории из жизни Александр Сороковик

© Александр Сороковик, 2016

Редактор Людмила Шилина
Фотограф Ирина Вишневская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я не знаком с автором книги, о которой собираюсь говорить с читателем. Мы не сидели в школе за одной партой, не гоняли вместе мяч по полю, не влюблялись в одних и тех же девочек, мы жили в разных городах, а последние лет двадцать пять – даже в разных государствах. У нас разные профессии, другой жизненный опыт; кажется, до бесконечности можно перебирать всё то, что у нас с Александром разнится.

Но цель у меня диаметрально противоположная. Я хочу рассказать о том, что у нас с автором общего. Это гораздо трудней, но и интересней.

Писатель не может не проецировать себя на страницы своих произведений. Не может не дарить героям каких-то собственных черт характера. Ныне принято отходить от этого правила, наделяя героев некими качествами оригинальности, нестандартности и противоположности себе самому. Говорят, в топы нынче выходят вещи, «гениальные» по выбору обстоятельств и героев. Вот если вы выбрали в герои садиста, убийцу или вампира, то половина дела сделана...

Читателю, который держит в руках книгу Александра Сороковика, в этом смысле не повезло. Автор **этой** книги пишет о реальной жизни, в которой есть, конечно, всё, даже убийцы. Но о них говорится так, как принято тысячелетиями в среде людей, обладающих определенными моральными качествами. Правила для этих людей святы, времени, что бы там ни говорилось другими людьми, они не подвластны, и не меняются от века к веку, от страны к стране, не ветшают как одежда и не выбрасываются. Их, оступившихся героев, осуждают, о них сожалеют, за их души борются, им помогают воскреснуть к новому. Ими никогда не восхищаются, не ставят их в пример. Традиционализм на страницах работ Сороковика может показаться кому-то скучен; я же вижу в его работах старую как мир, борьбу добра со злом, борьбу человека со всем тем темным, что есть в самом себе и в окружающем мире. И мне с ним интересно.

Тем более интересно, что автор никогда не ограничивает живое человеческое сострадание некими идеологическими рамками. Не поучает, не излагает дидактические материалы, не занимается морализаторством, не ставит себя в пример прочим. Он действительно интересен сюжетно, повествует живо, и далеко не всегда знает и предлагает ответы. Разрешает подумать.

Рассказ «Грань». Молодой студент факультета журналистики едет в поезде, и, как водится, обретает Попутчика. Повествует о себе, о том, что пишет рассказы. Вот, есть тема интересная, в семье друга не ладятся что-то отношения, он на грани развода, и это притом, что любят друг друга с женой, а ведь есть еще и маленькая дочь, которая пострадает в случае расставания. Есть теща, подливающая масла в огонь. Словом, люди на грани всяческой...

Хорошо ему, студенту, видеть себя в чужих глазах этаким отстраненным знатоком жизни и обстоятельств, писателем и «душеведом», не страшно и соврать ради красного словца, и приукрасить.

Попутчик выслушает студента. И расскажет, как водится, свою историю. От которой заледенеет кровь в жилах, несмотря на всю ее простоту.

Некий человек однажды попросил у Бога о спасении дочери; дочь пережила тяжелейший кризис болезни, выжила. Что должно быть в душе человека, вдруг осознавшего глубину своей любви и пропасть расставания, по отношению к тому, кто спас? Благодарность, скажете вы, катарсис, если он не верил – и уверовал. А герой испытал... чувство собственного превосходства. К нему склонил своё ухо Создатель, ему помог! Невероятно, кажется, но именно так. И снова он просил о том же, и снова удалось: погибла не его дочь, другая!

И он испытал радость, что не своя, и вновь гордыня обуяла его: он спас свою дочь, к нему прислушивается Провидение.

Не говори, читатель, что тебе незнакомо такое поведение людское. Есть много их на свете, присваивающих себе, например, привилегию говорить от лица Бога, рассчитывающих на преференции за свою единственность. И среди людей, и среди народов.

Конечно, человек этот, герой Сороковика, обречен на моральный слом, на то, чтобы прийти к состоянию, обозначаемому словами «на грани». Конечно, и нашему студенту суждено понять, что есть на самом деле «грань», а не те игры самолюбия, о которых он хотел рассказать. И убийство, и возрождение духовное возможно еще пережить. Благодаря автору, Александру Сороковичу, многое ещё можно. Читайте, размышляйте. Примеряйте к себе...

Александр Сороковик – реалист, несомненно, ибо стремится воспроизвести действительность в типичных её чертах. Но он не только копирует жизнь, воссоздает мир, и без того существующий. Он одарён тем, что принято называть творческой самобытностью. И два этих фактора создают, как это часто случается, нечто третье.

В рассказе «Артиллеристы» есть как будто бы фантастический фактор, несвойственный реализму.

Человек живет в своем времени. Верит в коммунистическое будущее, работает, детей растит. Всё у него так, как надо. Но Алексей Фомин – должник. Должник у жизни, которая была ему подарена когда-то. Его соратники, артиллеристы расчета, давно мертвы, их расстрелял немецкий танк. Лёша мог бы разнести танк снарядом, но силы оставили его. Много лет подряд он живет с чувством невыполненного долга, изувеченный и искалеченный внешне, он еще более изранен внутри. Насколько фантастичен финал рассказа, в котором герой все-таки подорвет танк, и воссоединится со своими фронтовыми товарищами?

А насколько возможна встреча со своей юностью и несостоявшейся любовью, как это происходит с героем рассказа «Полнолуние»? А получение прогноза на будущее в гроте Королевы? Прочтёте рассказы, и сами все поймёте. Поймёте, что автор не отступил от реализма. Он просто позволил воображению чуть-чуть возвысить действительность. Что из того, что Лёшка Фомин не сумел когда-то выстрелить; в полусне своей последней минуты он это сделал, ушёл в уверенности, что так и случилось. Разве этого мало? Пожилой уже мужчина проведет ночь рядом с юною девушкой, отнюдь не простой, но очень искренней, прямой; все, что между ними, такое щемящее, нежное и малопонятное, так мало увязанное с основным инстинктом, оно тоже возможно. Для некоторых людей такая встреча более вероятна, нежели бурная и страстная южная ночь со случайной спутницей; не все устроены одинаково, не каждый мечтает, вопреки расхожим представлениям о мужской удаче, к примеру, о неожиданном randevu с необремененными моральными принципами юной блондинкой.

Два образа, весьма и весьма для меня привлекательных, и столь же печальных, не могут не увлечь читателя. Героическая кошка Муся, верный сеттер Лаки. Кошке повезло: о ней помнят, хоть она пропала, её подвиг жив. Бедняга сеттер предан своим хозяином. Не каждый человек достоин звания человека; собака, духом сильнее и выше хозяина, обреченная им на гибель, вызывает куда больше уважения. Я с трудом дочитал рассказ: мне трудно было сохранять спокойствие. Автор, Александр Сороковик, христианин в душе и на деле, он сожалеет и о собаке, и о своем герое Роме, я же – только о собаке. Такие, как Рома, ничего, кроме чувства отвращения, во мне не вызывают.

Сложно было мне поначалу и с другим героем, из рассказа «Алконавт». Ему повезло: он, завзятый и типичный алкоголик с этим своим «брошу, если захочу, а не бросаю потому, что сволочи вокруг», все же любим отчаявшейся женщиной. Она сдает его в руки Терентию Игнатьевичу; это не знахарь и не волшебник, но ему под силу свершить чудо. Я всегда против чудес, свершаемых третьими лицами, но тут следил заинтересованно, и тихонько посме-

ивался над незадачливым героем. Автору удалось: я почти сочувствовал алкоголику, я ждал превращения, я на него надеялся...

Особняком выстроился для меня рассказ «Родительский день» в ряду остальных. Вы знаете, я аплодировал Александру. Такое глубокое проникновение в детскую душу, такое понимание. Потрясающий лиризм в изображении контраста между миром ребенка и прагматичным миром взрослых. Я спрашивал себя: как случилось, что кто-то помнит, и почему – я-то забыл, что это такое? Как я закрывал личное пространство от взрослых, прямо на амбразуру ложился, какими неуклюжими, лицемерными, странными представлялись мне они. Как же мне было с ними трудно. А теперь понимаю, что тяжеловато в этом противостоянии и взрослым. Они уже забыли в большинстве своём, как трудно быть молодыми, и сражаться им приходится теперь с собою и за молодых одновременно...

Любовь в изображении Александра Сороковика, это нечто особенное. Любовь можно чувствовать, но она ускользает, убегает, тает, когда о ней говоришь. А вот у Сороковика получается, и она не убегает. Прочтите рассказы «Вероника» и «Прощальный ужин». И вы, как и я, проникнитесь обаянием женских образов автора. Его юные женщины прекрасны, они живут, смеются и плачут; они не картинка, не образ, кажется, протяни руку – достанешь. Возможно, они источают тонкий аромат, схожий с запахом весенней черемухи, когда отдают себя, любят щедро и искренне. Первая, Вероника, не предана благодарным возлюбленным, вторая, Стася, предана и забыта, но оттого не менее хороша. Я был влюблен в этих женщин, пусть очень коротко, но страстно!

Нет, я не знаком с Александром Сороковиком. И между нами километры дорог, но даже не они самое главное препятствие для нашей встречи. Мы очень разные, и судьбы наши разнятся.

А общее между нами... наверное, дружба. С тех самых пор, как я прочел первый рассказ, о рыжей кошке, я понял, что обрел друга. С которым, увы, уже не будет общего детства, или юности и учебы, да это теперь и не нужно. Довольно того, что есть человек, которого я вижу, слышу, понимаю. И происходит это благодаря его творчеству, в котором отражается он сам. Достойный человек, умный, добрый. Талантливый, с моей точки зрения, хотя я не претендую на то, что являюсь истиной в последней инстанции. Я говорю с ним иногда сквозь расстояния и расставание, больше соглашаюсь, реже спорю и возражаю, хотя и такое бывает. Я благодарен судьбе за то, что он есть. Мы не разминулись, и это тоже здорово.

Возьмите в руки эту книгу. Прочтите всё. Закройте. Проверьте свои ощущения. Если вам повезло, и вы на одной волне с автором, то у вас появился друг. Давайте дорожить вновь возникшим чувством. Это редкая радость в нынешние непростые времена...

Олег Фурсин, писатель, член Российского Союза писателей.

И жили они долго и счастливо...

«И чего каркает, чего каркает старая? Опять помирать собралась... Как зиме последние дни приходят, так она словно с ума сходит – помру, дескать, до весны не доживу... Лет десять уже, почитай, в марте помирает. Десять или как? Ну да, как подруга её, Семёниха, в марте померла, так и она туда же наладилась. Это в каком же году было-то? Не вспомнить уже... Тогда аккурат на Новый год всё снегом замело, сугробы навалило чуть не под крышу, никогда такого не бывало! Это хорошо помню, а вот какой тогда год был? Да что толку вспоминать, и сейчас-то не сразу разберу, какой ныне год, спутались они все, да и разницы нет...»

Старик заглянул в закут за печкой, где стояла древняя, с резными спинками, старухина кровать.

– Эй, старая, жива что-ль? – он прислушался к тёплой запечной, слегка дымной, тишине. – Не померла ещё? А то печка греется, ужин пора готовить! Ась?

Услыхал скрип растянутых от времени пружин, сердитое кряхтение, довольно хмыкнул – жива старуха! Подошёл к печке, открыл дверцу, сощурился от полыхнувшего пламени, бросил пару совков угля. Тотчас чёрный блестящий панцирь закрыл малиновый жар, затрепсал, вбирая в себя ненасытный огонь.

Слава Богу, зима была не холодной, до лютых морозов не доходило, так что уголь даже останется. С каждым годом всё труднее собирать деньги на зимнее отопление – уголь растёт в цене, а пенсии, если и повышают, то на копейки, курам на смех.

Уже с весны они начинают откладывать деньги, понемногу отрывая от скудных пенсий. А ведь надо ещё хлеб покупать, да крупы, да масло растительное. Сахар, чай, соль, спички, чего ещё? За электричество платить – электроплитка, да свет. Много, конечно, выходит, а всё одно дешевле, чем с керосином, да и возни меньше.

Колыхнулась занавеска, закрывавшая старухин закут, и показалась сама старуха – невысокая, ссохшаяся, с коричневым, морщинистым лицом, в древней, потерявшей цвет длинной юбке, вылинявшей кофте и фиолетовом платке на лёгких седых волосах.

Неодобрительно оглядела старика, покачала головой:

– Всё б тебе токо ужинать да обедать, пузо набивать...

– Какое пузо, старая, – возмутился дед, хлопая себя по втянутому, невидному животу, – когда у меня пузо-то было?

– То-то и оно, что не было, – опять проворчала старуха, – жрёшь, жрёшь, а всё без толку. И зачем токо жрёшь?

Старик махнул рукой, поплёлся в свой угол, кышнув по дороге маленькую пёструю старухину кошку: «Брысь отсюдова мышей ловить – нечего под ногами крутиться!» Знал, что с бабкой спорить – себе дороже. Прилёг на скрипучую тахту, прикрыл глаза. Снова потекли неспешные стариковские мысли.

...Летом-то вообще благодать – свет почти не включают: зачем им свет ночью. И вода тёплая всегда под рукой – ведро наполнил, на солнышко поставил, и все дела! Овощи, картошка – свои, с огорода. Три курицы яйца несут, им корма почти не нужно – они во дворе и в палисаднике червяков да букашек выгребают, лишь иногда старуха им горсточку крупы или крошек со стола сыпанёт.

Деревья фруктовые вообще ухода не требуют, растут сами по себе, словно поняли, что всё равно ухаживать за ними некому – выживай, как хочешь! Яблоки, груши, сливы, вишня... Зачем им столько? Так, соберут по малости, компот сварят, немного яблок в погребке сложат – на тёрке тереть: зубов-то ни у той, ни у другого давно нет.

– Эй, старый, заснул, али как? – бабка стояла над ним, внимательно глядя поблёкшими, мутными глазами, – Иди, ешь, что ли...

Они уселись за стол, стали, не торопясь, есть горячую кашу, заправленную маслом.

– Слышь, старый, – спокойно сказала бабка, – помру я сегодня...

– Угу, – кивнул дед, проглотил свою кашу, – давай. Ты уж десять лет помираешь, всё не помрёшь никак...

– А сёдни вот возьму и помру!

– Ну и ладно, помирай себе, а я пожить ещё хочу, – дед поморщился: десять лет зимой одно и то же, каждый Божий день – помру да помру! В их возрасте уже и неприлично как-то на это обращать внимание. Для них помереть-то просто, а вот жить всё труднее и труднее...

Когда вдоволь нападаются фрукты, подгниют слегка, приходит Тамарка – крепкая, шумная бабёнка лет пятидесяти, с дочкой и снохой. Собирают в вёдра, тащат к себе в избу, заводят бражку – гонят на продажу крепкую, дурную самогонку.

Потом, бывает, принесут деду с бабкой от щедрот имат жёлтого, заветренного сала, или бутыль прокисшего молока – на простоквашу. Давали и бутылки с мутной самогонкой, да старик не брал – куда в его годы, давно уже не пил он крепкого... Говорил Тамарке:

– Ты лучшие, когда помру, на поминки и принесёшь всё сразу, чем по одной таскать!

– Ой, та ладно вам, диду, вы же сто лет проживэтэ!

– Ну, як я сто проживу, то ты двести, – усмехался дед, невольно переходя на её местный диалект – суржик, хотя они с бабкой говорили только по-русски. Они приехали сюда в молодости, прожили тут всю жизнь, но свой правильный русский говор сохранили. Впрочем, здесь, на Юге Украины, никто не обращал на это внимания. Даже в это непростое время украинцы и русские жили дружно, каждый говорил так, как ему удобно, и все понимали друг друга.

Старик очнулся от полудрёмы, встал, кряхтя, с тахты, пошёл к печке. Лязгнул дверцей, пошевелил кочергой жар – нет, рано ещё заслонку закрывать, пусть прогорит, как следует, а то угореть можно. Прислушался: занавеска слегка колыхалась, за ней слышалось тихое

бормотание, что-то шуршало. Старик покачал головой, опять прилёг на тахту. Спать уже не хотелось, он просто лежал, отсчитывая время – потом надо будет подняться, проверить, прогорел ли уголь, и, если прогорел – закрыть заслонку, чтобы жар в трубу не уходил.

Скоро зима закончится, тепло придёт. Подсохнет от стаявшего снега да от весенних дождей земля, надо будет огород вскапывать. Ох, тяжело! С каждым годом всё труднее даётся ему вскопка. Не копать нельзя: не будет огорода – есть станет нечего. Прокопает дед рядок, постоит, отдохнёт. Ещё рядок-другой и всё, надо посидеть, отдышаться. Так помаленьку и движется. Огород большой – не то, что за день, за неделю не управишься, силы уже не те.

А потом сажать нужно. Лук, чеснок, картошка, капуста, зелень всякая. Иногда думал: зачем это всё? Кому нужен этот огород? Им двоим со старухой? А они-то кому нужны? Доживают свой тяжкий век вдвоём, непонятно зачем. Друг дружку поддерживают. А помрут завтра, что изменится? Есть они, нет – и не заметит никто.

...Тогда, в пятьдесят третьем, молодые Гришка с Настёной приехали сюда жить и работать. Открылся гигантский завод металлоизделий, призывали рабочих со всей тогда громадной страны. Вот они и приехали. Зарплаты платили огромные, да и родители с обеих сторон помогли деньгами, и купили они вот этот самый домик с огородом, тогда ещё крепкий, покрашенный снаружи весёлой синькой.

Завод располагался на самой окраине большого областного центра, а село неподалёку, в десяти километрах от него. Правда, от трассы нужно было ещё преодолеть километра три, но автобус из самого села ходил тогда четыре раза в день, да и попутки из их совхоза «Красная Заря» постоянно ездили в город.

Старик поднял голову, прислушался. Пора! За долгие годы он научился определять момент, когда нужно закрывать заслонку, с точностью до минуты. Поднялся, закрыл, снова лёг. Ветрено на дворе, беспокойно. Зима, что ли, наконец, уходит? Или что-то другое ворочается во дворе, тоскливое, непонятное, страшное. В дом бы не вошло... Стучит под ветром какая-то дощечка под крышей, посмотреть надо завтра... А сейчас – спать: полночь, глаза слипаются...

И снился деду сочный радостный сон: голубое яркое небо, солнышко – не жаркое, ласковое, майское. Над ними колышутся ветки – щедро осыпанные белыми и розовыми цветами. Гудят мохнатые пчёлы и клубится в саду небывалый аромат. Они с Настёной стоят, обнявшись, под яблоней, возле весёлого синего домика. Молодые, стройные, лёгкие. Живы ещё его родители, оставшиеся у брата Андрея, которых он поедет хоронить с интервалом в три года. И мама Настёны жива, потом она приедет к ним, доживать свой век в их синем домике... И все почему-то собрались в их саду, и Настя с маленькой Наденькой на руках стоят уже не под яблоней, рядом с ним, а чуть поодаль, у калитки...

Решили тогда – пусть Гришка на заводе трудится, деньги зарабатывает, а Настёна в совхозе устроится – заработок небольшой, зато к дому поближе, можно в перерыв сбегать, что-нибудь по хозяйству сделать. И корма для кабанчика да кур в совхозе за копейки можно выписать, а то и так, договориться с ребятами за пару литров самогонки.

Жизнь заладилась сразу. Гриша числился на хорошем счету, бригада подобралась дружная, работающая, весёлая. План перевыполняли, получали хорошие зарплаты и премии. Настю взяли в совхоз, на птицеферму. Завели хозяйство – кабанчика, парочку коз, два десятка кур, петуха. Жили, словно играючи. Несмотря на тяжёлую работу и хозяйство, собирались вечерами в саду с такими же молодыми парнями и девушками, сидели за столом, ели, выпивали в меру, пели и плясали под баян, а потом под радиолу.

Проснулся дед рано – только начало светать. Влез в старые растоптанные боты, накинул драную кацавейку, вышел во двор. Небо ещё не очистилось от ночной мути, серело пред-
рассветным, липким туманом. Однако он сразу почуял нечто новое и в воздухе, и в безли-
стых корявых ветках, и в духе, исходящем от земли. Ветер с юга принёс долгожданное сырое
тепло, дул хоть и сильно, но не зло, а наоборот, дышал парной свежестью, забирался под
кацавейку, хватал деда за рубаху, щекал ноздри радостным, терпким весенним теплом.

Он прошёл по утопанной, посыпанной песком и битым ракушняком дорожке к поко-
сившемуся деревянному серому домику в глубине сада, за домом. Вышел оттуда, сполоснул
руки в бочке с дождевой водой, притянул к себе веточку сирени с едва наметившимися кро-
хотными почками. Сорвал одну, растёр в пальцах, поднёс к лицу. Отчётливо пахло вес-
ной. Старик отломил несколько веточек, взял с собой в дом. «В воду поставлю, пусть рас-
цветают! Теперь у старой в мозгах прочистится, авось передумает помирать-то!» Постоял
ещё немного на крыльце, словно желая про запас наполнить лёгкие тёплым, влажным, уже
почти весенним духом и шагнул в тёмное, натопленное, домашнее нутро...

*Вскоре родились дети – сначала Ваня, потом Надя. Настасья успевала всё – в декрете
долго не сидела, выходила на работу. Григорий стал сначала бригадиром, затем мастером.
Работал тяжело, зарабатывал много. Вечером и в выходные успевал сделать всю мужскую
работу – перекопать огород, починить крышу или забор, по весне выкрасить дом в тот же
весёлый синий цвет.*

*И думалось тогда: вот вырастут дети, женится Ваня, Надя замуж выйдет, внуки
пойдут. Дом придётся достраивать, расширять. Наполнится большой дом гомоном, ребя-
чьими голосами, и будут старики встречать закат среди большой дружной семьи...*

*Не сложилось с большой семьёй. В три года простудилась Наденька. Пока думали-
рядили, пока в город везли, в больницу – опоздали. Воспаление лёгких, не спасли Наденьку...
Больше детей Настёна не хотела, всё делала, чтоб не забеременеть.*

*Теперь вся любовь, все силы на Ванечку пошли: ещё с начальной школы его холили,
леляли, от домашней работы освобождали, нацеливали на институт. Парень грамотный,
умный, надо учиться, получать диплом. Потом можно на отцовском заводе работать.
Инженером, затем в руководство пробиваться: в замы, в начальники цеха...*

– Эй, старая, вставала бы, гляди вон, весна приходит! – дед прислушался: безмолвно
за занавеской.

– Слышь, старая, вставай, что ли, – неуверенно добавил он и заглянул в бабкин закут.

Старуха лежала на спине, руки вытянуты вдоль одеяла. На лице – обычное недовольное выражение, губы поджаты. Кажется, вот-вот откроет глаза, начнёт деда отчитывать: просто так, ни за что, чтоб жизнь мёдом не казалась...

– Что же ты, старая, – дед почему-то говорил еле слышно, хотя раньше всегда почти кричал, – зима, почитай, закончилась, а ты вот... Работы сколько на огороде, а кто теперь сажать будет? А кашу варить, а куры? Куда их теперь? Подкузьмила ты меня, старая, ох подкузьмила...

Старик выбрался из закута, потоптался по горнице, не зная, что делать. Зеркало, говорят, надо занавесить, да какие у них зеркала... Свёрток с новой одеждой в комод, вернее, там их два, свёртка-то – старуха загодя собрала, себе и деду. А платье парадное и костюм дедов – в шкафу висят, в простыни старые завёрнуты. Паспорта в том же комод, под бельём лежат.

Надо в сельсовет идти, справку оформлять, насчёт места договариваться. Поминки организовать... Дед снова тоскливо затоптался, не зная, что делать. В сельсовет ещё рано, нет там никого. Благо, выглянув в окно, увидел на соседском дворе Миколу Пинчука, коренастого, лысого, крепкого ещё дедка, лет на пятнадцать моложе него. Быстро оделся, вышел во двор.

Микола стоял перед колодой и кучкой поленьев, рассматривал топор, пробовал остриё – пойти поточить, или так сойдёт?

– Здорово, Микола...

– О, сосед! Здоровеньки булы! Как оно, здоровье-то? Вроде, гляжу, бодренький с утра! А старуха твоя как? Здоровая?

– Дак это... померла моя старуха-то, ночью нынче померла. Как собиралась зимой, так и померла...

– Во как... – Микола выпрямился, заморгал, суетливо затоптался, – ну это... мои, как говорится, соболезнавания... Счас, надо Любу позвать, она тут разберётся!

Он воткнул топор в колоду, быстро пошёл к дому, размахивая руками. Через несколько минут во двор выкатились, как их все звали, Пинчучки – жена Люба и дочь Светка. Такие же круглые, коренастые, как Микола, только что не лысые.

Заохали, запричитали, однако сразу взялись за дело: старика отвели к себе, усадили за стол, налили миску борща, нарезали хлеба с салом. Горе горем, а поесть надо – столько хлопот ещё впереди!

Сами сходили к нему в дом, нашли по его указке нужные вещи, документы, спрятанную «на чёрный день» заначку. Зашли ещё к одному соседу – худому высокому вислоусому Петру, у которого была старенькая «копейка», спросили, не поможет ли с машиной, ездить туда-сюда, хлопотать; предложили денег на бензин. Петро сердито помотал головой:

– Яки ще там гроши? Хай дид Грицько пидходит через час, поидемо в сильраду. Тильки щоб хтось з жинок з нами поихав, а то моя Татьяна на роботы сегодня...

Старик оказался в центре некоего водоворота. Вокруг него суетились соседи: везли его в сельсовет, договаривались на кладбище о рытье могилы, привозили врача и участкового, ездили получать свидетельство, договариваться с батюшкой об отпевании. Женщины во главе с Любой убирали в доме, готовили стол для поминок. Закупали продукты, варили поминальный борщ, жарили, пекли. Прибежала Тамарка-самогонщица, притащила две полторашки:

– Ось, на поминки, для бабы Насти... – подумала и нерешительно добавила, – а якщо трэба, я ще принэсу!

Старик равнодушно сидел во дворе, безучастно глядя на старую айву у забора. Он словно с разбегу наткнулся на какое-то препятствие, стену или столб и теперь не понимал, что делать дальше, куда и зачем бежать...

Но всё по-другому вышло... На четвёртом курсе Ваня жениться собрался. Да не людски собрался. Нет, чтоб привезти невесту к родителям, представить, попросить благословения. Потом поехать к её родителям, познакомиться, к себе в гости позвать, обсудить за чарочкой, как свадьбу гулять. Ваня просто сообщил, что женится, и всё.

Приехал один, пряча глаза, говорил, что невеста городская, профессорская дочка, у них порядки другие, свадьбы они делать не будут: так, посидят с её родителями и своими друзьями, потом поедут на теплоходе в свадебное путешествие. Жить будут в городе, у Оленьки есть своя квартира, а её родители уже договорились насчёт его аспирантуры... «Какой завод, папа? Мне кандидатскую писать, я на кафедре у Алексея Сергеевича буду работать. Меня теперь научная карьера ждёт...»

Старуху его женщины во главе с Любой Пинчучкой обмыли, одели в новое, чистое, заботливо ею же загодя приготовленное. Положили в гроб, который вместе с большим деревянным крестом привёз из города вислоусый Петро.

Гроб вместе с лёгким, даже по смерти, старухиным телом, поставили на стол, зажгли принесённую кем-то лампадку. Печку не топили, в доме держался зыбкий мартовский холодок.

Вечером пришли две пожилые усталые женщины – из церкви, от отца Прохора: Псалтирь читать по покойной. Старика увели ночевать к себе Пинчуки, напоили горячим чаем, уложили в горнице. Он не спал почти всю ночь, тихо лежал на своём диване, слушая залихватистый храп Миколы из соседней комнаты и изредка проваливаясь в короткий стариковский сон...

Утро выдалось совсем весеннее – тёплый влажный ветерок ласково кружился среди веток, ещё угловатых, только начинающих слегка припухать нежными выпуклостями почек. Приласкав тонкие, стройные деревца, он вдруг резко взлетал ввысь, натываясь на грубые, корявые, ломкие ветви старых акаций, растущих вдоль улицы. Обвевал и эти, не похожие на живые, деревья, выполняя свою обязательную весеннюю работу и, не ожидая приветов, улетап под их ворчливое раскачивание...

Гроб вынесли со двора, поставили в старенький микроавтобус «УАЗик», выделенный председателем сельсовета. Поехали, петляя через всё село, на старое, заросшее вековыми деревьями, кладбище. За ними – Петро на своей «копейке» повёз отца Прохора с двумя женщинами-певчими. Остальные потянулись пешком, через балку, напрямки.¹

Водитель – мордатый, в обычное время весёлый Сашка, остановился у ворот кладбища, заглушил мотор. Постояли немного, ожидая остальных. Скоро подтянулись и пешие – путь через маленькую, неглубокую балку недолгий.

Подняли на руки нетяжёлый гроб, понесли. Впереди, с крестом в руках и повязанным рушником предплечьем Петро – он высокий сильно под гроб-то, вот и выслали вперёд. Старик идёт сразу за гробом, машинально двигаясь вместе с людским течением, плохо понимая, что происходит и зачем это всё.

¹ По канонам Православной Церкви покойника положено хоронить на третий день после смерти. Первым днём считается день смерти, даже если она наступила ночью, хотя бы за несколько минут до полуночи. Следующий день считается уже вторым.

Донесли гроб до накануне вырытой, не сильно глубокой ямы, поставили на жёлтый глиняный холм свежавывернутой земли. Отец Прохор разжёг своё кадило, начал читать заупокойную службу. «Со святыми упокой...» – запели-заголосили женщины-певчие. Потом старика подтолкнули к гробу – прощайся иди... Он послушно приблизился, ткнулся губами в ледяной бумажный венчик на лбу старухи, отошёл в сторону.

Подходили по очереди соседи, в основном просто клали руку на гроб. Кто-то крестился, кто-то просто стоял рядом. Здесь ветер был ещё злой, зимний, колющий и все с нетерпением ждали конца погребальной церемонии, всем хотелось в нагретый дом, к горячему поминальному борщу с пирожками, стопочкам с мутноватой Тамаркиной самогонкой, тушёной картошке со свининой...

Быстро заколотили гроб, опустили в яму, бросили по три пригоршни земли. Двое нетрезвых с утра мужиков в запачканных жёлтой глиной сапогах и засаленных ватниках стали неспешно закидывать землёй яму. Петро повёз отца Прохора и певчих обратно, а Микола принялся поторапливать землекопов. Пришлось даже подменять их, чтоб закопать могилу поскорее. Наконец, всё завершили. Копщики получили свою плату и бутылку самогонки, а старик залез в Сашкин «УАЗик», подрагивая от холода. С ним забрались все, кто ещё оставался на кладбище, поехали назад.

Дальше помнилось смутно. Сидели за накрытым столом, пили, ели. Кто-то вставал со стопкой в руках, поминал бабу Настю, пили самогонку, заедали пирожками и горячим борщом. Скоро выпивка кончилась, и мужики разошлись, а женщины остались – убрать со стола, перемыть посуду. Тамарка-самогонщица бегала вокруг, причитала:

– Ой, диду, а тут вон сколько жаркого осталось, вам же не треба стильки, можно я трошки соби визьму, онукам принесу? И сала скибочку?

Дед только махнул рукой, и Тамарка стала сгребать со стола всё подряд в целлофановые мешочки, а затем в заботливо прихваченную торбу. Опомнилась, видать, что целых три литра самогонки отдала... Если б не остановила Люба с другими бабами, так бы всё и сгребла.

Скоро все разошлись. Дом стал пустым, чужим и холодным, хотя кто-то заботливо растопил печку. Старик подошёл к старухиному закуту, отдёрнул занавеску. Кровать, аккуратно заправленная новым покрывалом, подушка, ровно лежащая в изголовье. Он сморщился и быстро отошёл – от этой заправленной чужими руками, как никогда старуха сама не заправляла, кровати веяло холодом и пустотой.

Продав Ванечка тогда своё родство! Не продешевил, надо сказать. Не за пустую чечевичную похлёбку продал, а за наваристый профессорский суп с мясом. Видно, там ему ультиматум такой поставили – ты голодранец, тебя в учёную семью берут, так будь благодарен за это. Нам твои деревенские родичи не нужны, ты теперь в нашей семье. И ты, и дети твои уже только нашему клану принадлежат.

Так и ушёл Ванечка в новую жизнь. Сначала изредка приходили от него письма, мол, всё отлично, защитил диссертацию, детки растут. Потом передал с оказией весточку, уезжаю, мол, в Америку, жить там буду. Через год получили от него письмо – жив, здоров, устроился хорошо. Несколько раз прислал переводы, а потом и совсем пропал. Затерялся Ваня на американских просторах. Даже адреса своего не давал, боялся, что ли, что нагрянут в его Америку неказистые деревенские родители?

Старик хотел прилечь на свою тахту, как вдруг услышал тихое мяуканье. Из-под старухиной кровати робко вылезла её пёстрая кошка, ещё раз неуверенно мяукнула и уставилась на старика круглыми жёлтыми глазами.

– Ишь, голодная поди, забыли все про тебя, – старик подошёл к холодильнику, достал какие-то мясные и колбасные кусочки, бросил кошке. Та, урча, накинулась на еду.

Старик сел на тахту. Страшная усталость начала одолевать его, хотелось лечь и ни о чём не думать. Но как же не думать теперь! Кошка наелась и вдруг прыгнула на тахту, ткнулась мордочкой в его сложенные на коленях руки, заурчала. Никогда раньше она так не ласкалась к нему, не смела прыгнуть на постель. Впервые в жизни, наверное, он взял кошку на руки, стал неумело гладить.

«Как же мне, – думал он, – и кошку теперь кормить, и кур, и огород сажать. И всё... теперь всё самому надо делать. И кашу себе варить. И жить самому...»

Он так и сидел в тёмной уже горнице, с кошкой на руках, глядя в стену мутными от слёз глазами. И никак не хотел, не мог понять – как теперь ему жить. И главное, зачем...

Ноябрь 2013

Букет сирени

Это было время борьбы. Колючая, мокрая, холодная зима билась в последних приступах ярости, как войска уже побеждённого, разбитого, но всё ещё неистово сопротивляющегося врага. Иногда уже грело днём тёплое солнышко, робко набухали почки, но чаще наползали мрачные тучи, срывался холодный ветер, по утрам подмерзали лужи.

Это было время борьбы. Угрюмая, тяжкая болезнь, похоже, осталась в прошлом. Позади две сложнейшие операции, высосавшие из семьи Фоминых все силы и финансы. Болезнь победили, разбили наголову и, казалось, не оставили ни малейшего шанса на рецидив. На эту борьбу ушли все силы, все мыслимые и немыслимые резервы организма. И если с природой всё было понятно – весна рано или поздно победит зиму, то с Леонидом Фоминым ясности не было.

Известно, что в начале весны у человека стремительно убывают силы: организм, уставший за зиму, тратит энергии больше, чем может пополнить, сжигает внутренний резерв, который с наступлением настоящей весны быстро пополняется и всё приходит в норму. Леонид весь этот резерв уже исчерпал. Его отправили домой: «Мы сделали всё, что могли. Теперь дело за ним самим. Найдёт в себе силы жить, победит депрессию, всё будет хорошо. Нет – может вернуться болезнь. Конечно, витамины, усиленное питание – само собой. Но прежде всего – неукротимое желание жить!»

А вот этого желанья у него не осталось. Присутствовал только какой-то вялый инстинкт самосохранения. Семья делала всё, что могла. Продали машину, влезли в кредиты. Покупали новейшие лекарства, дорогие деликатесы. Пытались развлечь весёлыми книгами, фильмами. Всё впустую!

Леонид безразлично ел заморские фрукты, красную икру, также равнодушно пил дорогие лекарства и целебные настойки. Не капризничал, не сопротивлялся, но интереса тоже не проявлял. Безучастно лежал, укрывшись по самый подбородок одеялом, с тоской смотрел в окно, на хмурое, испачканное тучами небо, либо просто в потолок.

Приходил священник, служил молебен «о здравии болящего Леонида», виновато разводил руками: не может Бог дать выздоровление против воли больного, надо ему самому хоть чуть-чуть захотеть выздороветь!

Если бы с чистого, ясного неба брызнуло солнце! Если бы набухшие почки взорвались белым и розовым кипением! Если бы в открытую форточку ворвался буйный, пряный, хмельной весенний ветер! Да где же их взять в этих краях, даже в апреле!

Ира беззвучно плачет по ночам на кухне: сколько сил брошено на борьбу с болезнью любимого мужа, и когда, казалось бы, победа уже близка, почва уходит из-под ног.

Юлька плачет днём. Громко и безутешно. Плачет не дома – маме и так тяжело – а на плече у верного друга Саньки. Санька – её рыцарь ещё с первого курса. Он всегда рядом, помогает, как может, а главное, не даёт Юльке, да и тётке Ире опускать руки – решает какие-то бытовые вопросы, тянет все Юлькины курсовые и контрольные, не лезет к ней с нежничаньями, просто даёт возможность выплакаться, поддерживает, заставляет следить за собой одним своим присутствием.

Сегодня они снова сидят в его комнате, готовятся к занятиям. Вернее, готовится за двоих Санька – ищет в Интернете курсовые, переписывает какие-то конспекты. Юлька забралась с ногами на диван, в руках раскрытый учебник, куда она совсем не смотрит. Парень хмурится, недовольно покачивает головой: подружка совсем расклеилась, надо брать инициативу в свои руки, придумывать что-то. Дядя Лёня – классный мужик, именно он вступился тогда за Саньку перед тёткой Ирой, когда она раскритиковала его «хвост» и серёжку в ухе. Теперь его надо спасать, только вот как?

– Когда же кончится уже эта мерзкая зима? – тихо, словно сама себе, говорит Юлька, уставившись в одну точку. – Папа так любит весну, тепло, сирень, цветущие деревья! Врачи сказали, что, если он не захочет жить, болезнь вернётся, а новую операцию он не выдержит.

– Эх, подруга, где их взять-то, рано ещё для сирени, мы же не на югах живём! Вот если бы дядю Лёню в Одессу, что ли, перевезти, там сейчас уже тепло, солнышко греет вовсю, цветёт всё!

– Я смотрела прогноз погоды – опять холодно, опять ветер, опять зима! – не слушая Саньку, почти плачет Юля.

Саня задумчиво молчит, хмурится. Не потому, что не знает, что сказать. Какая-то мысль крутится в голове, ускользает, не даётся в руки... Внезапно он решительно поднимается, берёт Юльку за руку, отводит в прихожую. Одевает её, как маленькую, застёгивает сапоги, быстро собирается сам.

– Давай, Юлёк, чеши домой, побудешь с мамой, поможешь ей. Я тебя провожу, а потом... есть у меня одна идея... как весну поторопить...

Юля ни о чём не спрашивает, она за эти дни привыкла полностью доверять своему другу. Они молча идут на остановку, садятся в автобус. Саня отвозит её домой, а сам мчится к себе: ускользающая мысль приобрела чёткие очертания готового плана. Он долго сидит возле компьютера, бродит по всемирной сети, пишет кому-то сообщения, колдует над расписанием самолётов и прогнозами погоды по стране...

Поздней ночью в его комнате ещё горит свет. Уронив голову на клавиатуру, Санька спит за столом, счастливо улыбаясь. Чуть скрипнув, открывается дверь, мама качает головой, вздыхает: опять заснул за компьютером! Тормозит сына за плечо, он поднимает лохматую голову, встряхивается совсем по-собачьи, глаза его искрятся.

– Иди в кровать, спать, как все люди, – притворно сердито говорит она.

– Иду, мамочка, – он улыбается открыто и радостно, – ты знаешь, я придумал, как спасти дядю Лёню! Завтра будет у него самая настоящая весна!

– Нисколько не сомневаюсь, только, наверное, уже сегодня!

Утром, ещё толком не проспавшись, он летит в институт, успевает посидеть на лекции, сдать обе курсовые – свою и Юлькину. Днём уже звонит в её квартиру. Дверь открывает тётя Ира, и по её лицу он понимает, что дела всё так же плохи.

– Тётя Ира, пожалуйста, не волнуйтесь! Вам с дядей Лёней осталось продержаться до пяти часов! А там начнётся весна! Я вам говорю точно, сейчас мы с Юлей уедем, а ровно в пять приедем с весной!

Он снова одевает Юлю, они убегают, а Ирина Алексеевна, улыбаясь грустно и ласково, идёт в комнату. Милый, добрый мальчик! Как он старается им помочь! Только что он может сделать...

...Без десяти пять раздаётся звонок в дверь. Ира открывает и видит! Видит сияющие дочкины глаза, за ней радостного Саню, а в руках у него... настоящая, живая сирень! Огромный букет, завернутый от холода в газету, с тяжёлыми, маслянисто блестящими соцветиями, источающими нестерпимо-сладостный весенний аромат...

Саня, понимая торжественность момента, медленно срывает газету, передаёт букет Ирине и уверенно, по-мужски, распоряжается:

– Вы идите к дяде Лёне, а мы тут с Юлей вас подождём!

А из спальни слышится слабый, взволнованный голос:

– Ира! Ира! Что это? Откуда? Откуда сиренью пахнет?

...Ранний апрельский вечер. Они сидят втроем на кухне, на столе чай, вишнёвое варенье в вазочке, какая-то выпечка.

– Санечка, мальчик мой, как же тебе удалось? Где ты достал такое чудо? Теперь всё позади, Лёничка обязательно выздоровеет! Как он нюхал твой букет, прямо зарывался в него,

всё бормотал: «Весна, весна, наконец-то весна!». Потом попросил колбаски! Первый раз за два месяца, сам попросил! Поел с аппетитом, заснул глубоко, во сне улыбался! Ну, расскажи, мой хороший, как тебе удалось?

– Всё очень просто, тётя Ира! В Одессе весна уже в разгаре, я в Интернете увидел. Ну, познакомился с ребятами оттуда, объяснил ситуацию и попросил достать букет побольше. У Мишки там одного сестра стюардессой работает, правда, на другой линии. Она нашла коллегу, которая летит к нам, и уговорила передать букет. А нам с Юльчиком только и осталось забрать его в аэропорту и привезти. Вы бы видели, как на нас весь автобус смотрел!

Ира чуть не плачет. Мальчик поднял на ноги массу незнакомых людей в далёком южном городе, их сестёр, коллег. Они добывали чудный весенний букет, предавали из рук в руки, везли по воздуху через полстраны для чужого, в общем-то, для них человека... «Очень просто!».

– Представляешь, мамочка, – вступила Юля, – кондуктор с нас отказалась деньги брать! Оторвала два билета, а мы ей отломили веточку!

Они ещё посидели немного, и Саня засобирался домой, отсыпаться.

– Ты тоже ложись пораньше, – строго сказал он Юльке, – завтра в институт не опаздывай! А то мне уже надоело за тебя курсовые сдавать!

– Давай, дочь, действительно, ложись-ка ты пораньше, – сказала Ира, когда Саня ушёл.

И задумчиво добавила:

– Юлька, если ты его потеряешь, я тебя просто из дому выгоню...

– А как же «хвост» и серёжка в ухе? Это же неприлично, – улыбнулась Юля, вспомнив мамину реакцию. Но увидела её протестующий жест и серьёзно, чисто по-женски, сказала: – Я что, дура, такого парня терять...

Ещё кружит из последних сил холодный ветер, ещё набухшие мокрым снегом тучи никак не уйдут с неба, ещё царит зима в их холодных краях. Но в этом доме – самая настоящая Весна, которая пришла до срока, вопреки всем календарям и прогнозам, только потому, что на свете есть Любовь...

Апрель 2013

Полнолуние

Громов сердито присел на скамейку недалеко от входа в пансионат. Зря он приехал сюда, в места своей юности – слишком много было здесь радостно орущей молодёжи, бурного веселья, шума. Вернее, это была база отдыха, одна из многих на побережье, которое у одесситов всегда именовалось просто «Бугаз». В те годы у них в институте летний отдых на море так и назывался: «Поехать на Бугаз». И жили там они в палатках, варили на кострах кашу с тушёнкой, запивая её терпким домашним вином...

Его весёлая юность давно прошла, теперь это был спокойный, солидный человек: высокий, с прямой осанкой; крупный, но не обрюзгший; с благородной сединой в густых тёмных волосах без признаков лысины. Всегда гладко выбритый, хорошо одетый – ну, «настоящий полковник»! Или даже генерал... И имя он носил солидное – Громов Алексей Николаевич.

Повозившись на скамейке, вдруг понял: надо выпить терпкого красного вина, домашнего. Как в молодости! Вышел на центральную площадь, к магазинам, работающим всю ночь. Хмыкнул на цены, взял литр разливного – в меньшую тару не наливали – побрёл обратно. Сел, отвинтил пробку, спохватился, что не догадался купить стаканчик, махнул рукой и стал пить из горлышка.

Винишко было так себе, однако приложившись ещё пару раз к бутылке, Громов почувствовал лёгкое приятное головокружение и, действительно, гремющая музыка стала казаться ему вполне терпимой, а молодёжь – даже симпатичной.

Вскоре он заметил, что его одиночество нарушено. На другом конце скамейки сидела девушка и открыто, немного насмешливо смотрела на него. Поймав его взгляд, она улыбнулась и весело сказала:

– Добрый вечер!

– Добрый вечер, – немного смутился Громов, повертел в руках бутылку, усмехнулся, – хорошая картинка, да?

Девушка звонко расхохоталась:

– Вы, наверное, только приехали?

– С чего вы взяли?

– Да вид у вас... ну, городской, что ли. Офисный! Не расслабились ещё. Вино пьёте так, словно опасаетесь, что зайдёт начальник. Или коллеги осудят!

– Верно, – Громов улыбнулся, – не расслабился. Отвык. Я ведь в вашем возрасте здесь каждое лето расслаблялся.

– Да? – девушка оживилась. – Наверное, всё побережье тут знаете?

– Как вам сказать, когда-то знал, лет двадцать назад, – Алексей подсознательно занизил годы, правильнее было бы сказать – тридцать.

– А грот Королевы знаете? Сможете показать? – девушка под села ближе. – Меня зовут Наташа.

– А меня – Алексей Николаевич. Я давненько тут не был, но, думаю, вспомню, найду. Я ведь всю жизнь в Одессе прожил, да и сейчас живу – раньше, в молодости, каждое лето здесь проводил... Потом стал серьёзным, солидным, на заграничные курорты выезжал. А в этом году решил вспомнить молодость...

Девушка покачала головой:

– Надо же, каждое лето на море ходили, купались. А я вот первый раз на юге, первый раз в Одессе... Я из Питера. Он сырой, холодный, чопорный. А ваш город весёлый, солнечный!

Она протянула руку к его бутылке, оправдываясь улыбнулась:

– Давайте, Алексей, за знакомство! – Наташа подчёркнуто проигнорировала отчество.
– Да у меня стаканов нет, – слегка растерялся Алексей.
– Ой, да ладно! Я же говорю – здесь не офис, расслабьтесь... – она запрокинула голову, сделала несколько глотков. – Кислятина! На площади брали?

Алексей кивнул, взял у неё бутылку, отпил:

– Действительно, кислятина.

– Слушайте, Алексей, – Наташа посмотрела на него испытующе, – у меня к вам предложение. Давайте пойдём погуляем, искупаемся; вы покажете грот Королевы – никто не может мне его показать! Возьмём хорошего вина – я знаю, где. Ведь полнолуние! Мои друзья только и знают, что скакать под музыку, да зажиматься по углам, зачем тогда на море приезжать?

Она поднялась, приглашая его, не ожидая ответа. На вид ей двадцать-двадцать два, не больше. Обычная городская девочка в потёртых джинсах и маечке, лёгкой куртке – стройная, длинноногая, с русыми волосами чуть ниже плеч.

Громов пожал плечами: «Почему бы и нет?». На романтическое приключение не похоже – он ей в поздние отцы годится, на аферу с шантажом – тем более: соблазнила бы откровенно, в номер тащила. Ограбление на пустынном берегу – вообще, чушь собачья! Что ж, посмотрим. Самому интересно, найдёт ли он через столько лет этот грот?

– Ну, что, пошли? – весело спросила Наташа, легко взяв его под руку. – Расскажите мне про грот Королевы – правда, что там можно услышать ответ на любой вопрос?

– Как вам сказать...

– Ой, только не «вам», я же не дама в годах!

– Хорошо, тебе... Была в наше время такая легенда, будто давным-давно здесь разбился пиратский корабль, на котором везли пленную Королеву из далёкой страны...

– И спаслась только она и главарь пиратов! – подхватила Наташа. – Их выбросило на пустынный берег, и главарь стал требовать, чтобы она стала его женой...

– А Королева спряталась в этом гроте, и большая рыба охраняла её, не давая главарю пиратов приблизиться к ней...

– Так она и осталась там, и теперь в полнолуние любая девушка может прийти в этот грот и спросить у Королевы о чём угодно, она на любой вопрос ответит...

– А мужчину, дерзнувшего зайти в грот, тут же съест большая страшная рыба! – закончил Алексей, и они весело засмеялись. – Так ты не хуже меня знаешь эту легенду!

– Хуже, – улыбнулась девушка, – я так и не поняла, о чём можно спрашивать? Только о том, что связано с опасностью, с навязчивыми женихами, или обо всём?

– В моё время считалось, что девушка может спрашивать исключительно про женихов. Потом стали говорить, что Королева отвечает на любые вопросы, но лишь молоденьким девушкам, исключительно в день полнолуния и только после полуночи. А потом я уехал отсюда и не знаю, какая нынче там ситуация...

– А сейчас как раз полнолуние, скоро полночь, мы с вами на побережье, вы знаете, где найти грот. Алексей, оставьте эту кислятину, давайте возьмём вон в той хате вина, у них оно действительно хорошее. У меня есть немного еды, посидим на берегу, поедим, искупаемся, а после полуночи вы проводите меня к гроту. Мне очень хочется туда попасть, но одной страшно...

– Хорошо, Наташа, только давай так: сначала найдём этот грот, мне надо напрячься, чтобы вспомнить. А потом уже посидим и искупаемся!

Алексей зашёл во двор, спросил у хозяев вина, попробовал. Вино действительно было отменным. Купил большую бутылку и не удержался, выпил ещё стаканчик. Они с Наташей стали спускаться по узенькой тропинке с довольно крутого обрыва. Вышли на берег, осмотрелись. Неожиданно близко Алексей увидел высокую скалу, похожую на голову в короне.

– Вот и пришли! – сказал он. – Грот под этой скалой.

– Так быстро? – удивилась Наташа. – Вы же говорили...

– Ну, это просто повезло. Случайность... Смотри, сейчас начало двенадцатого, ещё целый час. Тут берег вроде ровный, посидим, поговорим за жизнь; потом пойдёшь в свой грот, а я здесь подожду...

– Хорошо, – девушка улыбнулась, – тогда давайте искупаемся, ладно? Только вместе, я одна боюсь...

Она отошла в сторонку, скинула одежду, под которой оказался оранжевый купальник, подошла к воде. Громов тоже снял брюки и футболку, остался в плавках. Подошёл к морю, зашёл по колени – вода, несмотря на ночной час, была удивительно тёплой.

– Эй, эй, подождите, – Наташа схватила его за руку, – я плаваю плохо, вы уж меня не отпускайте!

– Ну, тогда держись за меня, и поплыли!

Алексей плывал отлично; девушка нисколько ему не мешала – они заплыли довольно далеко. Вдруг Наташа слегка сжала его плечо:

– Давайте вернёмся, Алексей, глубоко уже...

Они поплыли назад, вышли на берег; девушка держалась за него двумя руками, слегка побледнела:

– Я никогда так далеко не заплывала. – она растерянно улыбнулась. – Зайду за камень переодеться, вы не смотрите...

Громов присел возле своих вещей, усмехнулся. Такая непосредственность его удивляла. Пойти ночью на пустынное побережье с незнакомым мужчиной, переодеться в двух шагах от него... И нельзя было сказать, что она воспринимает его как ни на что не годного старика – взгляды её были в меру кокетливыми, прикосновения мягкими, подсознательно женственными. Или это полудетская естественность, когда ещё никто не обижал, или наоборот: в свое время обидели так, что теперь уже всё равно. Почему-то даже не пришло в голову, что это может быть простым доверием юной девушки к сильному, благородному рыцарю...

Наташа подошла незаметно, села рядышком, курточка на ней была застёгнута, она слегка дрожала.

– Дайте скорее вина глотнуть, согреться! И доставайте пирожки из сумки, тут одна тётяшка печёт и продаёт – вкусные!

Они с аппетитом набросились на пирожки – Алексей почувствовал внезапный голод – запивая их превосходным вином. Девушка раскраснелась, перестала дрожать, даже курточку слегка расстегнула. Удивительно светлое южное полнолуние было ярким, звёздным, не синим или чёрным, а каким-то прозрачно-зелёным; лёгкие тени словно растворялись, таяли, не хотели закрывать даже мелкие камни или кусты. Они сидели молча, привалившись спинами к большому камню, поддавшись очарованию дивного ночного света, не желая разрушать неуклюжими словами нежную песню сверчков под тихий аккомпанемент невесомого прибоя...

Одна за другой на берег выкатились три-четыре волны покрупнее – со стороны Белгород-Днестровского прошёл катер или небольшое судно – перебили ритм, нарушили мелодию. Наташа слегка встряхнула головой, словно просыпаясь, взяла Алексея за руку, посмотрела на его часы.

– Ого, первый час, мне пора. Вы меня обязательно проводите, ладно?

Подошли к гроту, и Наташа двинулась дальше, слегка медля, оглядываясь на него.

– Смелее, я тут недалеко!

Она благодарно улыбнулась, пошла дальше, скрылась в темноте грота. Появилась минут через десять, подбежала к нему, улыбаясь немного смущённо: взрослая девочка, а в сказки верит!

– Ну как, ответила тебе Королева? Всё выяснила?

– А, ладно, – она тряхнула головой, – вина хочу, есть хочу!

Быстро доели пирожки, выпили немного вина.

– Ну что, домой? – спросил Громов.

– Нет-нет, только не домой, вы же одессит, а не чопорный петербуржец, давайте ещё погуляем, ну, пожалуйста! В такую ночь нельзя спать, нельзя плясать на дискотеках, надо гулять у моря, купаться, читать стихи!

– Ну давай, читай, – Алексей откровенно любовался девушкой. После грота её словно отпустило напряжение, она весело смеялась, пританцовывала, стройно изгибаясь; начала читать какие-то стихи, запуталась, от души расхохоталась. Это было искреннее, совсем не хмельное веселье, он тоже смеялся, сбросив лет двадцать.

Они пошли по берегу, весело болтая вроде бы о пустяках, перебивая друг друга; но слова вдруг становились значительными, приобретали потаённый смысл... Уходя от этой значительности, бежали купаться, не переодеваясь после этого, сошли на ходу.

Ярко-зелёная, таинственная ночь полнолуния таяла, звёзды уплывали в глубину неба, луна тускнела, уступая место тяжёлому, литому оранжевому диску, вальяжно поднимавшемуся с востока. Медленно прошли через просыпающийся посёлок, зашли на рынок, где Алексей купил мёд в сотах, и они допивали вино, заедая его восковой терпковатой сладостью. А коричневый от солнца старик, продававший мёд, улыбался им одними глазами на непроницаемом лице...

Алексей с Наташей подошли к воротам пансионата, прошли по дорожке; как по команде остановились возле скамейки, где познакомились вчера.

– Мне уезжать через два часа... – тихо сказала девушка. Она непроизвольно подалась к нему, он приобнял её одной рукой, – Спасибо вам огромное, я не помню, когда мне было так хорошо... Вы настоящий, Алексей. Как жаль, что я поздно родилась и не встретила вас лет двадцать назад!

Наташа порывисто обняла его, поцеловала возле губ.

– Счастья вам... – она двинулась вперёд, всё ещё держа его за руку.

– Будь счастлива, девочка, – эхом повторил он, пока её рука выскользнула из его руки...

Громов зашёл к себе в номер, сел на кровать. Невинная прогулка, целомудренный поцелуй, обычные слова. Но не оставляло чувство, что сегодня он встретил свою давнюю покинутую любовь, о которой напрочь забыл в суете. Встретил и опять потерял...

Март 2013

Родительский день

Сегодня – родительский день. Ещё его называют – «проводы». Странное название, правда? Таня совершенно не понимает, кто кого провожает и зачем. Ведь умерших давно проводили – когда хоронили. Сейчас их нужно поминать, а провожать-то зачем? Мама пожимает плечами:

– Ну что ты выдумываешь? Так все говорят, проводы – это и есть поминовение.

– А зачем тогда напиваются на могилках, шумят, песни поют?

– Какие ещё песни? Что ты пристала – обычай такой, не нами заведен, не нам его отменять! Помоги лучше сумку собрать!

Таня пожимает плечами, подаёт маме пакеты с едой, посуду. Она очень хочет поехать на могилку к бабушке, посидеть в тишине, поговорить с Бабулей, поплакать. Но – не получится в тишине! Опять будет куча народа, шум, пьянка и объёдаловка. Одну её на кладбище не отпускают – ехать далеко, кладбище старое, заросшее, мало ли что! А родители приезжают два раза в год: в августе (у Бабули дни рождения и смерти рядом), и весной, на проводы – бабушка называла это Родительским днём, Радоницей и Тане эти названия нравятся гораздо больше.

Летом приезжают убрать могилки, поправить оградку; водку не пьют, не едят – работают. В оградке, кроме бабушки, лежит ещё дедушка, его Таня помнит очень смутно; другие родственники, которых она вообще не помнит – они умерли давно. Танюша ездит вместе с родителями, рвёт траву, убирает мусор, и вот, когда всё убрано, наступает самое время помолчать, тихонечко посидеть на могилке, но...

– Татьяна, что ты расселась, идём домой, вон уже времени сколько! – и, обернувшись к папе:

– Хорошо поработали, всё убрали, теперь чистенько стало!

– Да, на следующий год, наверное, оградку покрасить надо будет...

– Действительно, пора уже... Таня, ну где ты там? Пошли быстрее!

Тане – тринадцать. Она высокая, стройная, ещё по-детски угловатая. Несовременная – почти все её сверстницы уже округлились, в глазах появился взрослый блеск; походка и манеры, как у зрелых женщин. Что поделаешь – время такое, детей воспитывают не мамы с бабушками, а телевизоры с компьютерами. А там одна песня: любовь, отношения, искусство соблазнять, конкурсы красоты для шестилетних девочек, бойфренды в подгузниках и всё в таком духе. Сериалы со страстями – вся семья вместе с детьми следит, затаив дыхание: высокие чувства! Дискотеки для школьников: громкая музыка, пульсирующий свет, повзрослому блестящие глаза.

Ей это неинтересно. Она любит тишину: читать, свернувшись в клубок на диване, рисовать лошадей, писать стихи:

Ночь за окном, словно мокрая чёрная кошка,
Бродит дворами, гуляет сама по себе...

Танюша очень скучает по бабушке. Для неё детство – это Бабуля, просто Бабуля, без имени... Она всегда была с внучкой, читала ей сказки, очень интересно рассказывала о своей молодости, пекла пироги. Только ей были интересны Танины стихи, рассказы о подружках, истории из жизни её кукол. Маму волновала только Танина учёба, оценки, олимпиады... Папа больше возился с Мишкой – наследник же! Нет, родители её любили, покупали хорошие вещи, на тринадцатилетие подарили дорогой телефон... Но никогда так не понимали...

Уже два года, как Бабули нет, и девочке очень не хватает её тепла. Даже на могилке не посидеть... Вот и сегодня – все суетятся, набивают сумки выпивкой и едой, венками из искусственных цветов. Бабушка ходила на кладбище не на проводы, а в следующий вторник, на Радоницу; говорила, что надо носить живые цветы... Какое красивое название – Радоница! Вроде идешь к покойным, а радуешься. Это потому, что после Пасхи сразу, а в Пасху всем положено радоваться – и живым и мёртвым! Один раз они ходили с Бабулей на кладбище вдвоём, Танечке тогда исполнилось девять. Как же это было здорово, не сравнить с «проводами»! Они нарвали букетики полевых ромашек, васильков, ещё чего-то пахучего, положили на дедушкину могилку; Бабуля почитала нараспев очень красивое и непонятное – «заупокойные молитвы». Посидели на лавочке, Таня послушала истории про дедушку; попили молока из захваченной с собой бутылки, поели сладкой булочки, насыпали крошек воробьям. Потом бабушка искала могилку какой-то тёти Маруси, боялась, что не найдёт, но нашла! Они постояли и там, наломали немного сирени и пошли домой.

А сегодня – проводы. Приехал толстый, шумный дядя Семён с маленькой, суетливой тётей Светой, все разобрали сумки и потащились к автобусу. Транспорт нынче переполнен. Все с такими же баулами, венками; жара, давка. Чем ближе к кладбищу, тем больше народа. Переругиваются, пыхтят. Наконец-то приехали! На аллеях старого кладбища – столпотворение, бредут с сумками, детьми, венками. Снуют горластые цыгане, требуют подаяния. Играют на перекрёстках музыканты, у ног – раскрытые футляры для денег. Шумно, суетно, бестолково. И вот – пришли! Сложили сумки и баулы, стали расчищать могилки, убирать мусор.

Подошли ещё родственники, сноровисто завершили уборку, стали вытаскивать из баулов снедь и запотевшие, не успевшие потерять холод, бутылки. Разместили на маленьком столике, выставили одноразовую посуду, налили, выпили. Быстро закончили обязательные «ну, помянем...», «земля пухом», «светлая память». Бутылки стремительно пустели, заменялись новыми. Разговор пошёл шумный, обыденно-застольный.

Таня уже чуть не плачет. Забыта всеми бабушка, забыты родственники. Хорошо пошла водочка, за ней закуска! Обсудили новую тёти Светину работу, поделились рецептами. Папа с дядей Семёном и другими мужиками говорят про футбол, размахивают руками, лица покраснелись. Вот-вот затянут песню... Таня отошла в сторонку, спряталась за чей-то памятник. Найти бы сейчас могилку той бабушкиной тёти Маруси, постоять там в тишине, да только где её найти. И тишины сейчас не дождёшься: везде компании, все едят, пьют, галдят.

– Та-аня! Ты куда пропала? Иди сюда, Та-аня!

Не хочется идти, но надо. Медленно побрела назад, цепляя высокую траву, срывая по пути ромашки, васильки, какие-то мелкие цветочки. Подошла к Бабулиной могилке, отодвинула в сторону колючий искусственный венок, положила свой немудрёный букетик. Отошла в сторонку, глядит исподлюбья.

– Ну, где ты ходишь? Сядь вон, поешь: мяско тушёное с картошечкой, колбаска такая вкусная... Сырку возьми.

Девочка медленно мотает головой, на глазах закипают слёзы. Как же всё это противно! Мяско, колбаска, сырок... Дядя Семён смотрит ословелыми глазами, жирные губы блестят на солнце. Тётя Света мелко суетится, что-то накладывает на тарелку для Тани. Папа вообще дремлет, привалившись к оградке.

– Сядь уже, в конце концов, поешь!

– Не хочу.

– Чего ты не хочешь, мяса? Ну, колбасы возьми!

– Ничего не хочу! – срывается на крик Таня. – Ни мяса вашего, ни колбасы! Молока хочу с булочкой! Тишины хочу! Радоницу хочу!

– Ты чего это? – папа проснулся, глядит недовольно. – Смотри на неё, тишину ей подавай, а сама разоралась на всю округу! Мала ещё, требования выставлять. Садись и ешь, скоро домой идти... Наливайте, давайте, закусывайте, – это уже взрослым.

Танечка больше не выдерживает, начинает судорожно всхлипывать, бессвязно бормотать сквозь слёзы: «Наливайте, ешьте, пойте, пляшите...»

Тут уже мама, наконец, понимает, что дело плохо. Бросается к дочери, обнимает, пытается успокоить. Оборачивается к папе, тревожно говорит:

– Мы возьмём машину, поедem домой, вы тут сами соберитесь. Перегрелась, что ли на солнце?

Уходя, Таня слышит, как противный дядя Семён говорит жирным голосом:

– Ну что вы хотите, переходный возраст...

Вечер. Уже поздно, надо спать. Таня лежит в своей кровати, под ночником, в руках книжка любимой Тэффи. Но не читается. Она отплакалась, теперь более или менее спокойна. Заходит мама, садится на кровать.

– Ну, как ты, доченька?

– Никак, – Таня пожимает плечами, – спать сейчас лягу.

– Может, принести тебе чего-нибудь? Молочка, печенья?

– Не хочу, мам, спасибо... – она нерешительно посмотрела на маму. – А давай послезавтра сходим к Бабуле? На Радоницу...

– Что ты, доченька? Мы же только сегодня были... Да и работаю я во вторник. Ты вот что, попроси дядю Семёна – у него после обеда время есть, он тебя на машине свозит, если так хочешь.

– Не буду я его просить...

– Значит, плохой дядя Семён, да? – слегка улыбается мама. – А они с тётей Светой три раза звонили, о тебе спрашивали, переживают, не заболела ли?

Танюшка опустила голову, на глазах опять слёзы. Совсем не в этом дело. Просто она ещё подростково, в непримиримом контрасте, не может совместить пьяненького дядю Семёна с лоснящимися губами, шумно пьющего водку на могилке любимой Бабули и того доброго, сильного дядюшку, обнимающего её в день бабушкиной смерти, бормочущего ласковые, утешающие слова. Суетливую тётю Свету с тарелкой в руках и заботливую, славную тётушку, сидящую возле её постели в больнице в перемену с мамой, пока папа (тот самый – дремлющий, привалившись к оградке) мотался по завьюженному городу в поисках дефицитного лекарства. А дядя Семён в это время вёз к ней сквозь пургу именитого профессора.

Мама, кажется, понимает её. Она ласково прижимает дочку к себе и тихо, задумчиво говорит:

– Жил-был один режиссёр. И снимал он чёрно-белые фильмы про коварных разбойников и благородных рыцарей, – она помолчала и ещё тише закончила:

– А потом вырос и увидел, что в мире есть ещё очень много других красок...

Она погасила свет, поцеловала Танюшку и вышла.

...Дорога длинна и извилиста. Едут по ней злые разбойники на чудных белых лошадках; благородные рыцари на хромых несуразных клячах; бредут толстые, неуклюжие акробаты и мрачные, хмурые клоуны. Впереди долгий путь, и краски ещё только начинают расцвечивать горизонт...

Март 2013

Рыжая кошка (быль)

Светлой памяти моего отца посвящается

...Одним удивительно солнечным ноябрьским днём 1943 года во дворе раздались крики, громкая ругань, а затем и выстрелы. Опасливо выглядывающие из квартир обитатели дома, в том числе и Боря, увидели, как по узкому карнизу пробирается рыжая кошка с огромным куском мяса в зубах, а по ней стреляют румынские солдаты...

Я словно своими глазами вижу эту картину. Вернее, вижу глазами моего отца, Бориса Владимировича, тогда ещё шестнадцатилетнего Борьки, который оставался в оккупированном городе со своей матерью, тётёй и бабушкой. И жила с ними кошка. Обычная рыжая, точнее – рыже-белая киса, небольшая, юркая, желтоглазая Муська.

Так что же тогда произошло в обычном одесском дворике на улице Пастера?

Стояла осень 1943 года. Два года Одесса жила «под румынами». Немцев в городе почти не было, румыны заправляли всеми делами. Год назад в просторную квартиру на третьем, последнем этаже добротного старинного дома в центре города, где жил Боря с семьёй, вселился румынский офицер. «Целый полковник!» – доверительно сообщил юркий сосед. Был этот полковник высок ростом, щеголеват, смугл лицом. Носил маленькие ухоженные усики, благоухал дорогим одеколоном. Ходил всегда в окружении шумной свиты – всяких там денщиков, писарей и прочих лакеев. В тот день он брезгливо осмотрел квартиру, что-то сказал своей свите и уехал. Переводчик из местных разъяснил, что господин полковник будет жить здесь, а вон там и вот тут – он указал на соседние квартиры – жить его свита. Всем приказано немедленно освободить свои жилища, разрешено взять с собой личные вещи.

К вечеру Борина семья переселилась в маленькую каморку в подвале этого же дома. С собой взяли вещи, кое-что из мебели, прихватили и рыжую кошку. Ну как «прихватили»... Кошки гуляют сами по себе, ей просто показали новое жильё, да и всё. Жили спокойно: во дворе, где обитало высокое начальство, солдаты сами не дебоширили и даже охраняли покой высокого чина и его невольных соседей. Конечно, все хорошие вещи, посуду, мебель получше солдаты забрали и перетащили в его апартаменты.

Было голодно: пайки маленькие, на базаре всё дорого. И вот однажды вечером в форточку проскользнула Муська с куском мяса величиной с добрую крысу в зубах. Прыгнула на табуретку и положила на неё этот кусок. Хороший такой шмат свиной вырезки, вид и запах которой они уже давно позабыли. Посмотрела на всех, явно наслаждаясь произведенным эффектом, довольно муркнула и... выскользнула в вечернюю темноту. Первой сориентировалась бабушка. Она быстро подняла вырезку с табуретки, промыла водой из кувшина, поделила на две неравные части, завернула в чистую тряпку, спрятала в буфет.

– Завтра сварим суп на мясном бульоне! – заявила она. – Большой кусок я положу в кастрюлю втихую, чтоб никто не видел, и не подумал, что нам случилось наследство, а маленький брошу так, чтоб все соседи видели! А запах один, что с малого куска, что с большого...

Боре не очень понравилась такая перспектива, и он высказался в плане того, что лучше бы пожарить парочку отбивных! Бабушка, кивая головой, радостно промолвила:

– Конечно, конечно, Боренька! Нажарим отбивных, покушаем! Весь двор на запах бежит, будет обсуждать, с каких миллионов мы имеем такой праздник, а вечером в сигуранце,² будем рассказывать, что это не мы стащили мясо с кухни господина полковника, а нашли его на улице!

– А почему они узнают, что это с его кухни?

– А кто ещё у нас во дворе жрёт свиную вырезку?

Бабушка, как обычно, была права. На следующий день все с наслаждением ели мясной суп, которого хватило на два дня. Муська появлялась дома редко, только когда не было дома полковника со свитой. Приходила днём, отсыпалась, но стоило появиться во дворе автомобиля с румынским офицером, тут же исчезала. Умудрялась выскользнуть так, что даже соседи её почти не видели.

Кошка явно устроила себе охотничьи угодья на барской кухне: ещё несколько раз приносила хозяевам куски мяса, которые бабушка также осторожно расходовала. Но и себя Муська тоже не забывала: стала гладкой, сытой, шерсть лоснилась. Самое главное, что она неизменно уходила с добычей на соседний чердак, в сторону от дома, пряталась где-то в одной из известных закутков, а если приносила мясо хозяевам, всегда появлялась и исчезала совершенно незаметно – словно понимала всю опасность этой «охоты» и для себя, и для своих хозяев. Пока что всё было тихо: очевидно, офицерские повара и денщики сами хорошо приворовывали барское мясо и сваливали пропажи друг на друга.

Осень 1943-го стала для оккупантов началом конца, советские войска наступали. Количество продуктов резко уменьшилось, они сильно подорожали, да и румыны стали суевее и растеряннее. Муська всё реже приносила добычу в дом – наоборот, чаще приходила подкормиться к хозяевам. Ей не отказывали, всегда хоть жидким супчиком, но делились.

И вот настал тот ноябрьский солнечный день, с которого я и начал свой рассказ. Охотничья удача в этот раз изменила Муське. То ли кусок оказался слишком большим, то ли повар появился на кухне не вовремя, но незаметно уйти кошка не успела. С карниза убежать можно было только на соседнюю крышу, но до неё было ещё далеко. Румынские солдаты бестолково сустились во дворе, изредка стреляли, но довольно вяло – боялись попасть в окна полковничьей квартиры. Дворик был заставлен сараями, засажен высокими тополями, закрывавшими обзор, поэтому метко стрелять было трудно.

Вдруг среди них появился высокий худой солдат с винтовкой в руке. По тому, как он вскинул её к плечу, прицеливаясь, все поняли, что этот не промажет. Грянул выстрел, и прямо перед Муськиным носом взвился фонтанчик выбитой штукатурки. Кошка слегка присела, а потом снова стала пробираться по узкому карнизу, не выпуская кусок из зубов. Румын ругнулся вполголоса и снова прицелился, но выстрелить не успел. Во двор с шумом вкатился полковничий автомобиль. Все бросились встречать хозяина, вытягиваться «смирно», докладывать, из-за чего стрельба. Подскочил высокий с винтовкой, начал что-то быстро говорить, показывая на карниз, очевидно прося разрешения покончить с кошкой.

² Сигуранца – румынская контрразведка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.